

Августин, то есть христианский эквивалент «*eruditio*», которого требовал Цицерон для подготовки «*doctus orator*»**. Если итальянский классицизм должен был собрать воедино своих адептов во Франции, у него был шанс найти их прежде всего среди теологов древней патристической культуры, на которых не повлияла схоластика. Их «*eruditio*» утратило римское красноречие, которое должно было помочь им в их главном служении, и естественно, что оно объединило эту группу священников, как только последним удалось с ним столкнуться. Берсуйр прежде Петрарки — вот частица средневековой эрудиции, вновь обретшей красноречие, утраченное со времен святых отцов. Понятно, что эта группа страстно возжелала его тем желанием, которое не может не стремиться к возвращению утраченного.

В настоящее время невозможно зафиксировать момент, когда активные сообщники

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 564

восстановили изучение античной классики внутри самого Парижского университета, но актовая лекция (*principium*) Петра из Альи* о «Сентенциях», датированная 1375 г., убеждает нас, что к этой дате элоквенция (красноречие) нашла сторонников среди парижских теологов. Эта лекция — сгусток красноречия, умело преподнесенного, чтобы произвести должный эффект: ораторское движение, сохраняемое от начала до конца, цитаты из Вергилия, Иоанна из Анвилля и Алана Лилльского — все свидетельствует о решении этого мэтра схоластического метода говорить в качестве оратора не для того, чтобы доказать, но чтобы убедить. Вся лекция построена на ловких ораторских ухищрениях. Чтобы привести своих слушателей на вершины, где стоит престол теологии, прославлением которого является речь оратора, он в своем воображении проходит последовательно, один за другим факультеты университета — от самого низкого до самого высокого, начиная с факультета искусств: «*Primo ergo venio ad scholam Philosophorum*»**. Тот, кого он там встречает у входа, — это преподаватели наук о языке: «*sermocinalium scientiarum, grammaticae videlicet et logicae, rhetoricae et poeticae artis doctores invenio*»***. Такие преподаватели, какими их описывает Петр из Альи, сначала обучают, само собой, по При-сциану, но также — те или другие — «*alii rhetoricae Tullii blandimenta, alii poeticae integumenta Virgilii, nee solum ista, quinimo Ovidii praesentant fabulas*»****; затем следуют «Оды» Горация, «Сатиры» Ювенала, трагедии Сенеки, комедии Теренция, наставления Саллюстия, «Декады» Тита Ливия, эпиграммы Марциала, «Сатурналии» Макробия и бесчисленное количество сочинений менее значимых авторов. Не забудем, что мы имеем дело с оратором. Пусть он опускает из своей программы, сколько хочет; только трудно предположить, что Петр из Альи мог так говорить об изучении в университете грамматики перед магистрами всего университета, если ничего подобного не происходило. За-

метим, что он говорит не как новичок и что сам он стал магистром ораторской техники совершенно иной, нежели техника схоластической «*quaestio disputata*»; все это побуждает думать, что до 1375 г. это новое положение вещей длилось уже значительное время.

Впрочем, изучение стиля *principia*, предшествующих принципам Петр из Альи, быть может, таит в себе сюрпризы. Как бы то ни было, факт тот, что теологическое произведение Жана Жерсона представляется в своей совокупности свободным от схоластической техники и вновь обретшим свободные формы патристического красноречия. Жерсон может написать «*quaestiones*» и, если представится случай, комментировать, как очень многие, «Сентенции», но «Проповеди», «Письма», «Трактаты» и «Небольшие произведения» («*Opuscula*») являются сочинениями, где естественным образом течет его теологическая мысль. Добавим, что даже в его трактатах нередки